

Исполнитель в традиции: рефлексивный уровень

УДК 82-343.4

DOI: 10.28995/2658-5294-2021-4-3-107-130

Сказка: между «бесценным наследством» и «ненужным знанием»: отношение исполнителей к традиции

Варвара Е. Добровольская

Институт славянской культуры

*Российский государственный университет им. А.Н. Косыгина,
(Технологии. Дизайн. Искусство), Москва, Россия;*

*Государственный Российский Дом народного творчества
им. В.Д. Поленова, Москва, Россия, dobrovolska@inbox.ru*

Аннотация. В работе рассмотрено отношение сказочников к сказочной традиции. В целом ряде случаев сказочники считают известные им сказки «бесценным наследством», которое они должны сохранить и передать окружающим. В ряде случаев это память о ком-то из любимых родственников, рассказывавшем ту или иную сказку. Иногда сказка выступает как средство этнической идентификации человека, его связи с конкретной этнической группой. Некоторые исполнители задействуют сказку в своем репертуаре наряду с другими жанрами, чтобы показать богатство местной традиции и ее разнообразие. Сказка может быть просто сохраненным текстом в том случае, если исполнитель считает необходимым сохранять традицию конкретного места. В то же время сказка становится средством привлечения внимания к человеку, если им заинтересовались работники учреждений культуры или фольклористы и этнографы. В этом случае человек начинает работать над своим репертуаром, пополнять его с помощью книг или придумывать тексты самостоятельно. В то же время есть немало сказочников, которые по тем или иным причинам считают сказки «ненужным знанием», относятся к ним с определенным пренебрежением и отдают предпочтение другим фольклорным жанрам.

Ключевые слова: сказочная традиция, сказки, исполнительское начало, рефлексия исполнителя

© Добровольская В.Е., 2021

Для цитирования: Добровольская В.Е. Сказка: между «бесценным наследством» и «ненужным знанием»: отношение исполнителей к традиции // Фольклор: структура, типология, семиотика. 2021. Т. 4. № 3. С. 107–130. DOI: 10.28995/2658-5294-2021-4-3-107-130

Fairy tale. Between the “Priceless Inheritance” and “Unnecessary Knowledge”. The attitude of performers to tradition

Varvara E. Dobrovolskaya

*Institute of Slavic Culture Russian State University im. A.N. Kosygin
(Technologies. Design. Art), Moscow, Russia;*

*State Russian House of Folk Art named after V.D. Polenov
Moscow, Russia, dobrovolska@inbox.ru*

Abstract. The paper studies the attitude of storytellers to the fairy-tale tradition. In a number of cases, storytellers consider the fairy tales they know to be a “priceless legacy” that they must preserve and pass on to others. In some cases, this is one’s memory from a favourite relative who used to tell this or that tale. Sometimes a fairy tale functions as a sign of ethnic identification of a person, his connection with a particular ethnic group. Some performers use the fairy tale in their repertoire along with other genres to show the richness of the local tradition and its diversity. A fairy tale can be just a saved text, if the performer considers it necessary to preserve the tradition of a particular place. At the same time, a fairy tale becomes a mean of attracting attention to its teller, if it has drawn attention of employees of cultural institutions, of folklorists and ethnographers. In this case, the person begins to work on his repertoire, to replenish it with the help of books, to create or combine tales and motifs.

Keywords: fairy-tale tradition, fairy tales, performance principle, reflection of the performer

For citation: Dobrovolskaya, V.E. (2021), “Fairy tale. Between the ‘Priceless Inheritance’ and ‘Unnecessary Knowledge’. The Attitude of Performers to Tradition”, *Folklore: Structure, Typology, Semiotics*, vol. 4, no. 3, pp. 107–130, DOI: 10.28995/2658-5294-2021-4-3-107-130

В настоящее время при анализе состояния сказочной традиции все чаще приходится говорить о роли личности в пространстве культуры. Данная проблема всегда была интересна исследователям.

дователям сказки. Работ, посвященных творческому началу в наследии сказочников, в русской фольклористике немало. Еще в 1864 г. М. Семевский опубликовал статью, посвященную сказочнику Ерофею¹, в 1895 г. В. Лесевич написал статью о сказочнике Р.Ф. Чмыхало². Начиная с 1908 г., после выхода в свет сборника Н.Е. Ончукова, становится принятым располагать сказочный материал внутри сборников по сказочникам, а во вступительной статье и комментариях приводить биографические данные и характеристики исполнителей³. Появляются и работы, посвященные личности сказочника⁴. С 1925 г. становится популярным и считается идеологически верным обращаться к творчеству отдельных сказочников, публиковать записанные от них сказки и давать детальный анализ стиля и композиции сказочных текстов. Одним из первых подобную работу провел М.К. Азадовский, обратившись к творчеству Натальи Осиповны Винокуровой, а затем в 1932 г. подготовив двухтомник «Русская сказка. Избранные мастера», в котором дал подробные характеристики исполнителей⁵. Перед войной появляются сборники выдающихся русских сказочников Натальи Осиповны Винокуровой, Матвея Михайловича Коргуева, Егора Ивановича Сороковикова-Магая, Ивана Федоровича Ковалева, Филиппа Павловича Господарева

¹ Семевский М. Сказочник Ерофей // Отечественные записки. 1864. № 2. С. 485–498.

² Лесевич В.В. Денисовский казак Чмыхало, его сказки и присказки // Мир Божий. 1895. № 4. С. 9–22.

³ Северные сказки / Сборник Н.Е. Ончукова. СПб.: Тип. А.С. Суворина. 1908. 643 с. (Зап. Имп. РГО по Отд. этнографии, т. 33); Зеленин Д.К. Великорусские сказки Пермской губернии. Пг.: Тип. А.В. Орлова, 1914. 656 с. (Зап. Имп. РГО по Отд. этнографии, т. 41); *Он же*. Великорусские сказки Вятской губернии Пг.: Тип. А.В. Орлова, 1915. 640 с. (Зап. Имп. РГО по Отд. этнографии, т. 42); Сказки и песни Белозерского края / Зап. Ю. и Б. Соколовы. М.: Печатня А.И. Снегиревой, 1915. 666 с.

⁴ Макаренко А.А. Две сказки русского населения Енисейской губернии // Живая старина. 1912. Вып. 2–4. С. 351–381; Калинин И.Ф. Сказочники и их сказки // Живая старина. 1915. № 1–2. С. 242–272; Козырев Н.Г. Семь сказок и одна легенда Псковской губернии // Живая старина. 1912. Вып. 2–4. С. 297–308.

⁵ Азадовский М.К. Сказки Верхнеленского края. Вып. 1. Иркутск: Восточно-Сибирск. Отд. Русского географич. о-ва, 1925. С. 67–142; Русская сказка: Избранные мастера / Ред. и коммент. М. Азадовского. Т. 1–2. Л.: Academia, 1932. Т. 1. 423 с.; Т. 2. 411 с.

с комментариями исследователей⁶. После войны подобные издания тоже продолжали выходить, достаточно назвать сборники сказок Абрама Кузьмича Новопольцева и уже упомянутого Сороковикова-Магая⁷. Вероятно, последним изданием подобного типа является блистательный сборник Е.И. Шастиной, посвященный сказочнику Дмитрию Савельевичу Асламову⁸. Отчасти изданием подобного рода можно считать сборник сказок тверского сказочника Петра Ивановича Акулова, хотя его творчество занимает промежуточное положение между фольклорной традицией и индивидуальным творчеством наивного автора⁹. В 2020 г. вышел сборник сказок Евдокии Никитичны Трясциной, уникальной сказочницы Пермского края¹⁰.

С 50-х гг. XX в. ситуация с публикацией сказок меняется. Вместо сборников одного сказочника появляются работы, состоящие из текстов, записанных на одной территории и представля-

⁶ Азадовский М.К. Верхнеленские сказки. Иркутск: ОГИЗ, 1938. 216 с.; Сказки И.Ф. Ковалева / Зап. и коммент. Э. Гофмана, С. Минца. М.: Искра революции, 1941. 359 с. (Летописи государственного литературного музея, кн. 11); Сказки М.М. Коргуева / Зап., вступ. ст. и коммент. А.Н. Нечаева; предисл. М.К. Азадовского. Петрозаводск: Каргосиздат, 1939. Т. 1. 660 с.; Сказки Магая (Е.И. Сороковикова) / Зап. Л. Элиасова, М. Азадовского; под общ. ред. М. Азадовского. Л.: Гослитиздат, 1940. 336 с.; Сказки Филиппа Павловича Господарева / Зап. текста, вступ. ст., примеч. Н.В. Новикова; общ. ред. и предисл. М.К. Азадовского; Петрозаводск: Госиздат Карело-Фин. ССР, 1941 (Ленинград). 662 с.

⁷ Сказки Абрама Новопольцева / Ред. и вступ. ст. Э.В. Померанцевой. Куйбышев: Куйбышевское обл. гос. изд-во. 1952. 222 с.; Сказки и предания Магая / Зап. Л.Е. Элиасова. Улан-Удэ: Бурятское кн. изд-во. 1968. 371 с.

⁸ Сказки Дмитрия Асламова: Сб. / Сост., предисл. и коммент. Е.И. Шастиной, Г.В. Афанасьевой. Иркутск: Восточно-Сибирское кн. изд-во, 1991. 255 с.

⁹ Акулов П.И. Тверские сказки / Сост. Л.М. Концедайло, О.В. Смирнова. Тверь: Тверская обл. типография, 1997. 102 с. (Тверской фольклор, кн. 4). Наиболее полный анализ данной проблематики приведен в книгах Э.В. Померанцевой, которые не потеряли своей актуальности и в настоящее время: *Померанцева Э.В. Судьбы русской сказки*. М.: Наука. 1965. 220 с.; *Она же. Русские сказочники: пособие для учащихся*. М.: Просвещение, 1976. 190 с.; *Она же. Писатели и сказочники* / Сост. В.Г. Смолицкий. М.: Советский писатель, 1988. 357 с.

¹⁰ Сказки Евдокии Никитичны Трясциной / Авт. кол.: В.Е. Добровольская, Г.Н. Мехнецова, И.И. Русинова, О.С. Сивков, М.Е. Суханова, А.В. Черных (отв. ред.). СПб.: Изд-во «Маматов», 2020. 192 с.

ющих конкретную локальную традицию. В ряде случаев деление текстов по сказочникам все равно сохраняется. Так, описывая сказочную традицию Пудожского края, А.П. Разумова и Т.И. Сенькина расположили тексты по сельсоветам и населенным пунктам в алфавитном порядке, а внутри этих групп – по исполнителям¹¹. Аналогично организованы и другие сборники, посвященные русской сказочной традиции в Карелии¹². Данный принцип использован и в вышедшем относительно недавно сборнике «Сказки Водлозерья»¹³.

В то же время стали появляться и сборники локальных сказочных традиций, в которых тексты расположены по жанровым разновидностям сказок. Такой принцип, например, использовали составители сказочного тома серии «Фольклорные сокровища Московской земли»¹⁴. Они расположили тексты внутри трех разделов, в соответствии с привычными жанровыми разновидностями: сказки о животных, волшебные сказки и бытовые сказки, небылицы и анекдоты. Однако сказки могут располагаться в сборниках и без деления на жанровые разновидности, хотя порядок текстов в сборнике соответствует нумерации сюжетных типов в указателях сказочных сюжетов. Тексты в таком случае расположены от меньшего к большему. По такому принципу составлен, например, сборник «Народные сказки Псковского края»¹⁵. Еще одним типом сборника можно считать те издания, в которых тексты расположены на основании описанного выше принципа, но с учетом деления на районы. Так расположены

¹¹ Русские народные сказки Пудожского края / Сост., авт. вступ. ст. А.П. Разумова, Т.И. Сенькина. Петрозаводск: Карелия, 1982. 366 с. (Памятники фольклора Карелии)

¹² Русские народные сказки Карельского Поморья / Вступ. ст. А. Разумовой. Петрозаводск: Карелия, 1974. 423 с.; Сказки Заонежья / Сост. Н.Ф. Онегина. Петрозаводск: Карелия, 1986. 293 с. (Памятники фольклора Карелии)

¹³ Сказки Водлозерья / Сост. А.С. Лызлова. Петрозаводск: Барбашина Е.А., 2013. 432 с.

¹⁴ Фольклорные сокровища Московской земли. Т. 3: Сказки и несказочная проза / Сост. Н.М. Ведерникова, Е.А. Самоделова. М.: Наследие, 1998. 368 с.

¹⁵ Народные сказки Псковского края: В 2 ч. Ч. 1: Тексты. Комментарии. Исследования. Аудиоприложение / Псков. гос. ун-т, Науч.-образоват. лаборатория регион. филолог. исследований / Под ред. Н.В. Большаковой, Г.И. Плещук; сост. Н.В. Большакова и др. Псков: Логос, 2016. 618 с.

сказки в сборнике «Русские сказки Пермского края в записях конца XX – начала XXI в.»¹⁶.

Нельзя не сказать и еще о двух типах изданий сказок. Прежде всего это тематические сборники, посвященные сказкам одного сюжетного типа или близкородственным разновидностям сюжетов. Наиболее показательны в этом отношении два сборника, подготовленных Р.П. Матвеевой¹⁷. Наконец, есть работы, представляющие состояние фольклорной традиции конкретного региона. В ряде случаев в таких сборниках появляются разделы по сказкам, которые также расположены в соответствии с нумерацией указателей¹⁸. Однако несмотря на то, как расположены сказочные тексты в том или ином сборнике, в комментариях или во вступительной статье составители обычно дают максимально подробные сведения о жизни сказочника и его творческой манере.

Исследования, посвященные творческому наследию сказочников, в последнее время появляются нечасто [Лызлова 2013, с. 27–45; Бунчук, Шевченко 2011, с. 11–15; Бунчук, Шевченко 2012, с. 51–54; Добровольская 2015, с. 57–69]. Вопрос о том, почему в наше время сохраняется устная сказочная традиция и как исполнители относятся к известным им текстам, исследователями специально не затрагивался. Наша статья также представляет лишь отдельные наблюдения над тем, как сказочники воспринимают известные им тексты и как они к ним относятся.

В целом ряде случаев во время полевой работы мы сталкиваемся с людьми, которые знают один или два сказочных текста. Боль-

¹⁶ Русские сказки Пермского края в записях конца XX – начала XXI в. / А.В. Черных (отв. ред.), В.Е. Добровольская, И.И. Русинова, И.А. Подюков и др. СПб.: Изд-во «Маматов», 2020. 240 с.

¹⁷ Русские народные сказки Сибири о богатырях / Сост., вступ. ст. и коммент. Р.П. Матвеевой. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1979. 304 с.; Русские героические сказки Сибири / Сост., предисл., коммент. Р.П. Матвеевой. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1980. 366 с.

¹⁸ См. например: Добровольская В.Е. Сказочная традиция // Фольклор Судогодского края / Сост. В.Е. Добровольская, И.А. Морозов, В.Г. Смолицкий; под общ. ред. А.С. Каргина. М.: ГРЦРФ. 1999. С. 154–177; Корепова К.Е. Сказки // Фольклор Ковернинского района Нижегородской области. Ч. 2 / Сост. Ю.М. Шеваренкова, К.Е. Корепова, Н.Б. Храмова; под общ. ред. Ю.М. Шеваренковой. Н. Новгород: Дятловы горы, 2013. С. 103–134 (Фольклорное наследие Нижегородского края, т. 2, ч. 2); Корепова К.Е., Фалькова И.А. Сказки // Фольклор Сосновского района Нижегородской области / Сост. А.Н. Караулов, И.А. Фалькова, К.Е. Корепова и др.; под общ. ред. К.Е. Кореповой. Н. Новгород: Растр-НН, 2012. С. 210–220. (Фольклорное наследие Нижегородского края, т. 1)

шинство из них рассказывают их детям или внукам, чтобы отвлечь детей, не выпустить их из вида во время выполнения повседневной домашней работы. Среди таких людей могут быть замечательные исполнители, а могут быть простые передатчики известных сюжетов. Однако встречаются люди, которые знают сказки и могут их рассказать, но в силу различных обстоятельств этого не делают. Появление собирателя провоцирует рассказывание сказки, однако это не совсем обычное исполнение. Наиболее показательным примером такого отношения к сказке является Марфа Федоровна Зайцева – предстательница старообрядческой общины Уругвая. Интервью у нее взяли во время перерыва в работе этномузыкологов¹⁹; рассуждения о сказках спровоцировал вопрос о детях. Марфа Федоровна – многодетная мать, и, естественно, она рассказала, как развлекает маленьких детишек. Репертуар исполнительницы весьма традиционен, хотя и не лишен определенной изысканности. Она исполнила прекрасные варианты пестушек, потешек, показала, как играла с детьми в «Сороку», и исполнила довольно развернутый текст. Но когда ей был задан вопрос про сказки, она сказала, что их она детям не рассказывает, потому что есть книги и мультфильмы, которые дети с удовольствием смотрят и читают, есть целый корпус развлечений, поставляемый общественными инфраструктурами (детским садом, школой, внешкольными учреждениями), и необходимости в устном исполнении сказок нет. Тогда Марфе Федоровне задали вопрос о ее детстве и сказках, которые она тогда

¹⁹ Записи Д.В. Морозова, И.В. Дынниковой, В.Е. Добровольской от Марфы Федоровны Зайцевой 1958 г. р., урож. Фазенды Санта-Крус, штат Парана, Бразилия (АЦРФ 2015.29.08. Москва). В составе комплексных экспедиций Института русского языка им. В.В. Виноградова РАН с ней работали лингвисты, прежде всего О.Г. Ровнова, а также специалисты-этномузыкологи, занимающиеся изучением музыкальной культуры в поселениях староверов-часовенных Латинской Америки. У ее родителей Федора Савельевича Килина и Татьяны Ивановны Матюшиной не было сыновей, и Марфа, будучи старшей дочерью, как пишет в своей «Повести и житие» (Зайцев Д.Т. Повесть и житие Даниила Терентьевича Зайцева: [невероятная одиссея русских старообрядцев в XX–XXI вв. / Предисл., коммент., словарь О. Ровновой; предисл. П. Алешковского. М.: Альпина нон-фикшн, 2015. 707 с.) ее муж Данила Терентьевич Зайцев, «работала как за сына и за дочь» [Зайцев 2015, 109]. Данила Терентьевич обратил на нее внимание, потому что она была «красива, бойка, шустра, весёла, песельница, да и слух у нее хороший», а присмотревшись к девушке, он понял, что она еще и очень трудолюбива: «Везде успевала: на пашне, дома, да и сама быстрая вышивальщица, вышиванием обогородила всю отсовскую землю...» (Там же, с. 93).

слушала. Оказалось, что отец Марфы Федоровны рассказывал своим четырем дочерям сказки практически каждый вечер перед сном. Сказок было много, они были разные, но Марфа Федоровна помнит из них только две, которые оказали на нее наибольшее влияние. Их она рассказала.

Казалось бы, мы имеем дело с простым передатчиком: человек рассказывает текст, который он слышал в детстве и который сам не рассказывает. Но выяснилось, что это совсем не так. Сказок она рассказала две: «Медведь на липовой ноге» и «Волк и семеро козлят». Обе сказки имеют песенные вставки и обилие диалогов. Исполнительница прекрасно исполнила и песенки:

Скрипу-скрипу нога,
Скрипи липовая!
Все поселки спят,
Вся деревня спит.
Один дедушка не спит,
Одна бабушка не спит.
На моей коже сидит,
Мою шерстку прядет
Не упряживает,
Мое мяско варит,
Не уваривает.

Козляточки-мяляточки,
Ваша мать пришла,
Молоко принесла.
Молочкё бежит
По копытчкам.

Она пела басом за медведя и волка, говорила тонким голосом за козлят и высоким голосом за козу. Марфа Федоровна замечательно исполняла сказки, и в какой-то момент показалось, что она лукавит, говоря, что не рассказывает сказки детям²⁰. Однако, прекрасно рассказав начало, Марфа Федоровна углубляется в свои воспоминания о том, какова была ее реакция на сказку в детстве. И в результате этого конец сказки о медведе на липовой ноге превращается в схематичный пересказ:

Как по двери даст. Как ухнет. Они упадут, – говорит. Войдет, суп этот свалит, ногу эту съест и обозлится, что нога-то сварилась. И пойдёт

²⁰ Подробнее о М.Ф. Зайцевой см. [Добровольская 2017, с. 19–27].

искать. На палатых залезет, старика съест, а старуха так напугается, будет в корзинке сидеть и упадет, и он её съест, – говорит.

Но весь этот пересказ сопровождается хохотом над детским страхом, описанием детского ужаса «мы прижмёмся друг к дружке», «дрожим», «нам страшно», «вот такая страшная сказка» и так далее. И дальше следует замечание, что вообще-то они с сестрами боялись этой сказки, но папа всегда очень интересно рассказывал на разные голоса, и поэтому она запомнила.

Это можно было бы рассматривать как единичный случай, но другую сказку она рассказывает точно так же – сначала очень подробно, разговаривая на разные голоса, а потом сводя все к одной фразе, о том, как волк сгорел в бане: «Он там пропадёт». При этом опять смех, опять воспоминания об эмоциях, которые испытывались в детстве, и свое детское отношение к гибели волка: «Я думала: “Вот так ему и надо, этому волку, что он так козляточек съел”».

Марфа Федоровна человек внешне малоэмоциональный, но воспоминания детства пробуждают у нее эмоции, благодаря которым она и смогла сохранить в памяти именно эти тексты. Помимо этого, сказка для нее – память о счастливом детстве и любимом отце. Сам текст для нее совершенно не важен (отсюда и сворачивание финалов), если бы ее отец рассказывал ей с сестрами легенды или пел песни, то, возможно, эти же эмоции вызывали другие жанры. Однако в данном случае таким «жанром памяти» оказалась сказка.

Встречается и другой тип сказочника, для которого сам по себе текст сказки несущественен. Таким человеком оказался Александр Геннадьевич Васильев из станицы Алексеевская Алексеевского района Волгоградской области²¹. Он краевед-любитель, участник местного казачьего ансамбля, человек, интересующийся казачьей традицией. От него записывали этнографический материал, описания похоронного обряда, лечебные практики, календарь, мифологическую прозу. Песни он знал, но пел только с ансамблем, поскольку «казаки в одиночку не поют». Уже провожая нас, он упомянул, что во время застолий раньше рассказывали сказки, и на ходу рассказал народный анекдот «Плеточка-живилочка»

²¹ Записи В.Е. Добровольской, А.Б. Ипполитовой от Александра Геннадьевича Васильева, 1969 г. р., урож. Хутора Яменский Алексеевского района Волгоградской области, в настоящее время проживает в станице Алексеевская (АЦРФ 2014, лето, Алексеевский район Волгоградской области, станица Алексеевская). Вторая запись сделана в 2015 г. Д.В. Морозовым и К.В. Чеботаревым (АЦРФ 2015, лето, Алексеевский район, Волгоградская область, станица Алексеевская).

(СУС 1539 «Шут»). Текст полностью соответствовал сюжетной схеме, был наполнен множеством деталей, связанных с местной традицией. Так, плеточка-живилочка была куплена на ярмарке в Урюпине, решение о том, что Рожка нужно утопить, принимал становой атаман и т. д. Через год была сделана повторная запись. Сравнение этих текстов показывает, что исполнитель понимает принцип функционирования сказочного текста, в экстремальных условиях он его свернул, в спокойных – повествование было более развернутым. Александру Геннадьевичу задали вопрос, знает ли он сказки. Он перечислил довольно много традиционных сюжетов, относящихся к ядру русской сказочной традиции, но рассказывать их не стал, мотивируя это целым рядом причин. Данные сказки на семейных казачьих застольях не рассказывали. Они, с точки зрения Александра Геннадьевича, не являются мужским репертуаром, а относятся к тем текстам, которые пожилые женщины рассказывают детям. Помимо этих причин Александр Геннадьевич назвал еще одну – он считает, что он не умеет рассказывать. Для него сам по себе текст не важен: ему не нужны художественные особенности, сюжетное построение и т. д. Ему важен контекст бытования текста: казаки на застольях рассказывали, он сам это в детстве слышал, задавал вопросы и может рассказать. Другие тексты не связаны у него с казачьим контекстом, и поэтому ему не интересны. В этом случае сказка становится своеобразным средством причисления себя к определенной культуре, к определенной этнической традиции, то есть средством поддержания этнической идентификации.

Если со сказочником собиратели работают на протяжении нескольких лет, то исполнители осознают, что они знают тексты, которые вызывают интерес «ученых людей» или «людей из города». Они понимают свою «ценность» и свой статус в деревенском социуме. И в целом ряде таких случаев исполнители начинают работать со своим репертуаром. Так, Евдокия Никитична Трясцина²², поняв, что «людям из города» интересны именно ее сказки, стала активно работать с текстами, о чем свидетельствуют прежде всего повторные записи ее сказок. Она начала пополнять свой репертуар текстами из детских книжек и школьных хрестоматий, использовать тексты авторских сказок, а потом сюжеты кино- и мультфильмов. Наконец она начала придумывать собственные

²² Записи от Е.Н. Трясциной были сделаны в 1994, 1995, 1996, 2001, 2002 гг. Материалы хранятся в архиве сектора этнологических исследований Отдела истории, археологии и этнографии Пермского научного центра УрО РАН. Большинство текстов опубликованы в сборнике: Сказки Евдокии Никитичны Трясциной ... С. 6–31, 136–166.

тексты, в основе которых лежали литературные произведения, зачастую никакого отношения к сказкам не имеющие²³. Подобный подход к расширению своего репертуара можно наблюдать у многих сказочников. Так, например, среди сказок Ф.Н. Свиньиной есть и пересказы 56 арабских сказок из сборника «Тысяча и одна ночь», а также сказочные тексты, в основе которых лежат такие литературные произведения, как «Принц и нищий» Марка Твена, «Всадник без головы» Майн Рида, «Граф Монте-Кристо» Александра Дюма²⁴. Расширяла свой репертуар за счет понравившихся ей литературных произведений и Ефимия Григорьевна Падкина из Судогодского района Владимирской области, сказки которой опубликованы в сборнике «Фольклор Судогодского края»²⁵. В ее репертуаре есть сказка, в основе которой лежит не только текст Г.Х. Андерсена «Огниво», но и фильм «Старая, старая сказка» (реж. Н.Н. Кошеверова, 1968) [Добровольская 2019, с. 21–32]. Такой же сказочницей была Анна Ивановна Садовникова²⁶. В ее репертуаре были сказки, в основе которых лежали повесть В.А. Жуковского «Марьяна роща», повесть А.С. Пушкина «Барышня-крестьянка» и упомянутый выше роман «Принц и нищий» [Добровольская 2015, с. 57–69]. Этот список можно продолжать. Сказочники, понимающие ценность своего мастерства и свое особое место в деревенском социуме, активно работают над репертуаром и ценят свои знания, стараясь все время их пополнять. Для них сказка – это способ поддержания своего высокого статуса в сообществе, средство выделения из круга односельчан, привлечение к себе внимания ученых и т. д.

Еще одна группа сказочников – это люди, активно рефлексирующие. И сказка для них – лишь один из жанров внутри традиции. Такие исполнители уникальны. Они владеют огромным количеством материала самых разных жанров. К большинству из них они

²³ Подробнее об этом см.: Сказки Евдокии Никитичны Трясиной ... С. 6–31, 136–166.

²⁴ Избранные сказки Ф.Н. Свиньиной / Подбор текстов, вступ. ст. и коммент. О.Г. Большаковой, В.Р. Дмитриченко; подгот. текстов к печати, предисл., науч. ред. А.С. Лызловой. Петрозаводск: Издат-Принт, 2016. С. 195–198.

²⁵ Добровольская В.Е. Сказочная традиция // Фольклор Судогодского края / Сост. В.Е. Добровольская, И.А. Морозов, В.Г. Смолицкий; под общ. ред. А.С. Каргина. М.: ГРЦРФ. 1999. С. 154–177.

²⁶ Записи от Анны Ивановны Садовниковой на протяжении многих лет делал М.М. Горшков. Материалы хранятся в его личном архиве. Копии в Архиве ГРЦРФ (Колл. 69-8-1990; Колл. 69-8-1996; Колл. 69-8-1998).

относятся с трепетом, их волнует то, как слушатели реагируют на их исполнение. И сказка в данном случае становится наиболее выигрышным примером. Эти люди отбирают сказочные тексты для исполнения именно на основе наблюдения и оценки аудитории. Им интересен механизм исполнения, поэтому они часто перенимают творческую манеру других сказочников, пытаются применить различные актерские приемы, увиденные в профессиональном кино или театре. Один и тот же текст они могут рассказывать по-разному в зависимости от ситуации и слушателей. Таким исполнителем была Клавдия Павловна Зеленова²⁷.

От Клавдии Павловны Зеленовой²⁸ было записано два варианта сказки сюжетного типа СУС 700 «Мальчик-с-пальчик». В первом случае, рассказывая о чудесном рождении ребенка, сказочница была ограничена присутствием собственной внучки, поэтому сказка полностью соответствовала сюжетной схеме:

Жили-были старик со старухой. У них не было детей. Вот старуха один раз рубила капусту, отрубила себе палец, положила в большой кувшин и поставила на печь. Утром дед в поле ушел, а старуха стала блины стряпать. Вдруг слышит:

– Бабушка, душно! Дедушка, душно!

Она уж и про палец свой забыла. Она и туда, она и сюда. Никого нет. А тут опять:

– Бабушка, душно! Дедушка, душно!

Она на печь полезла, в кувшин посмотрела, а там – Иванушка – мальчик-с-пальчик.

Второй раз текст был записан в совершенно другой ситуации. Шел опрос по религиозной фольклорной прозе и духовным стихам. Это тема была Клавдии Павловне неинтересна, и она сказала:

Вот слушайте сказку. Жили-были старик со старухой, и не было у них детей. Дедушка говорит:

– Бабушка, как нам плохо! Нам бы завести ребеночка.

– Где уж мы теперь ребеночка заведем.

– А я придумал!

И вот несет кувшин большой (раньше брагу в них наливали). Такое вот горлышко (показывает).

– Давай в этот кувшин пердеть и выпердим Иванушку-Пердунка.

²⁷ Подробнее о К.П. Зеленовой см. [Добровольская 2008а, с. 149–161].

²⁸ Запись В.Е. Добровольской, Т.В. Хлыбовой от Клавдии Павловны Зеленовой (АЦРФ 2005, лето, Владимирская область, Муромской район, п. Механизаторов).

– Да как, дедушка?

– А вот я перну, а ты затыкай. Ты пернешь, я заткну.

Ладно. Вот дедушка поставил на печку этот кувшин и начали. Дедушка пернул – бабушка заткнула. Теперь бабушка садится:

– Бу-у-у! – дедушка затыкает. Напердели целый кувшин. Заткнули и поставили.

Утром встала бабушка печку топить, дедушка пахать уехал в поле. И вот слышит:

– Дедушка, душно! Бабушка, душно!

Бабушка:

– Господи, кто это кричит?

Она и в окошко, она и в дверь, она уж и забыла, что они пердели Пердунка-то.

А он опять:

– Бабушка, душно! Дедушка, душно!

Она вспомнила, полезла на печку, открыла кувшин-то, а оттуда Иванушка-то глядит, маленький, мальчик-с-пальчик²⁹.

Клавдия Павловна прекрасно понимала, что ее знания интересны собирателям. Сказки не являлись любимым для нее жанром, но, будучи прекрасным рассказчиком, она понимала принципы исполнения таких текстов, возможности импровизации, зависимость манеры исполнения от аудитории. Кроме того, ей была понятна ценность сказочного текста³⁰. Она связывала его с памятью о прошлом своего родного края, с памятью о своей семье и прежде всего о деде, который рассказывал сказки: «Раньше в каждом доме рассказывали, кто лучше, кто хуже. Дед хорошо рассказывал, интересно, к нему часто ходили сказки слушать. Я вот как память о нем сказку эту храню, своим рассказываю, чтоб о нем помнили. Дедушкина это сказка».

Вообще, наследники традиций обычно очень хорошо понимают ценность наследия, и сказочного наследия в том числе, его значимость для приезжающих исследователей и для местных работников культуры (в том случае, конечно, если сами работники культуры задействуют сказочника или его репертуар в своей работе).

²⁹ Этот вариант сказки был нацелен на эпатаж собирателей, которые довольно долго опрашивали Клавдию Павловну о христианской вере и создали у нее ощущение, что она имеет дело с очень набожными людьми.

³⁰ Собственно, эта исполнительница прекрасно понимала ценность всех своих знаний. Ее интересовала традиция в целом. И сказка была лишь элементом этой системы.

Галина Александровна Шеметова из деревни Обхой Качугского района Иркутской области является потомственной сказочницей. Ее репертуар сформировался под влиянием матери Раисы Егоровны Шеметовой, а та в свою очередь унаследовала сказки от своей матери, которая была дочерью известной сибирской сказочницы Натальи Осиповны Винокуровой, узнавшей сказки от своего отца Осипа Большедворского. Безусловно, сибирские исследователи не могли пройти мимо такой исполнительницы и на протяжении нескольких лет записывали от нее сказки. В 1986 г. состоялась первая экспедиция Г.В. Афанасьевой-Медведевой в Качугский район с целью выяснения сохранности сказочной традиции, во время которой и были сделаны первые записи от Г.А. Шеметовой³¹ [Афанасьева 1986, с. 166–174; Афанасьева 1987, с. 85–97; Медведева 1991, с. 30–42].

Анализ текстов, записанных от Галины Александровны, позволяет говорить о том, что она сохраняет и развивает винокуровскую традицию. Интерпретация сказок в устах этой представительницы винокуровской школы проявляет родовые свойства: сохраняется сложная сюжетная детализация повествования, традиционная образность, устойчивые речевые формулы. Безусловно, внимание ученых не осталось незамеченным в деревне, и работники культуры стали задействовать Галину Александровну в различных мероприятиях. Она выступает перед школьниками Качугского района, у нее проходят творческие встречи с жителями с. Белоусово и д. Шеметово. Это не могло не сказаться на творческой манере исполнительницы. Ее дочь заметила в разговоре с Г.В. Афанасьевой-Медведевой: «Мама как-то раньше совсем не так рассказывала. Мы, когда спать ложимся, просим: “Расскажи да расскажи!” Она все: “Хватит лясы лясовать. Спать пора”. И толком-то не расскажет. А щас-то будто и не она вовсе. Прямо как-то будто и не она». Об этом же говорит и сама Галина Александровна: «Я раньше-то расскажу да расскажу. Так себе. А щас-то и смешно, по маслу режу». И сказочница, и ее окружение понимают ценность сказок, но надо отметить, что и остальные местные жители отмечают высокий статус исполнительницы, подкрепленный некими вещественными знаками: машиной, которую за ней посылают в день выступления, вниманием прессы и ученых из крупных городов.

³¹ Записи от Галины Александровны Шеметовой хранятся в Региональном центре русского языка, фольклора и этнографии, Иркутск. *Медведева Г.В. Рождественская ночь: Сб. / Сост., предисл., очерки, подгот. текстов и коммент. Г.В. Медведева. Иркутск: Восточно-Сибирское кн. изд-во, 1994. 412 с.*

Однако в поле зрения исследователей стали все чаще попадать люди, которые в силу определенных обстоятельств не осознают ценность своих «наследственных знаний». Одним из них является Акси́нья Тимофеевна Пушечкина – некрасовская казачка, которая в настоящее время живет в поселке Новокумский Ставропольского края. Она родилась в 1945 г. в с. Коджагёль на озере Майнос в Турции. В 1962 г. вместе с другими 215 семьями некрасовских казаков она вернулась в Россию. Поскольку Акси́нья Тимофеевна участница местного ансамбля, то с ней преимущественно работали этномузыкологи, и основной репертуар, записанный от нее, – песни. Однако она прекрасный знаток местной традиции, и от нее записывали и этнографические описания обрядов, прежде всего свадьбы³².

От Акси́ньи Тимофеевны были зафиксированы и сказки. С ней на протяжении многих лет работала В.Н. Никитина. Сказки от А.Т. Пушечкиной записывали в 2015 г. участники фонда «Светославъ» и ансамбль «Лествица». В рамках «Дней казаков-некрасовцев в Москве» (2016) несколько сказок записала автор статьи, а в 2017 г. по моей просьбе запись провела Е.А. Дорохова³³.

Репертуар Акси́ньи Тимофеевны богат и разнообразен. В общей сложности от нее записано 14 сюжетов, многие тексты есть в повторной записи. Корпус сказок Акси́ньи Тимофеевны состоит как из популярных (Лиса и волк [СУС 1 «Лиса крадет рыбу с воза» + СУС 2 «Волк у проруби» + СУС 3 «Лиса обмазывает голову тестом»], Бременские музыканты [СУС 130 «Зимовье животных»], Коза лупленая [СУС 212 «Коза луплена»], Сивилиюшка-Вилюшка [СУС 327 С, Ф «Мальчик и ведьма»], Синий Соко́л [СУС 432 «Финист ясный сокол»], Гуси-лебеди [СУС 480А* «Сестра отправляется спасать своего брата»], Братец и сестрица [СУС 450 «Братец и сестрица»], Золотая рыбка [СУС 555 «Коток золотой лобок (золотая рыбка, чудесное дерево)»], Об Иванушке-дурачке

³² Фольклор в лицах с В. Гуськовым. Вып. 3: Акси́нья Тимофеевна Пушечкина (Бокачѐва). Запись 21.09.2016. Ставрополь Культура. URL: https://www.youtube.com/watch?v=JgFh34b_ZoA (дата обращения 12 сент. 2021).

³³ В статье использованы материалы 2016 и 2017 гг. (Запись В.Е. Добровольской от Акси́ньи Тимофеевны Пушечкиной, 1945 г. в с. Коджагёль, Турция; в настоящее время проживает в поселке Новокумский Левокумского района Ставропольского края (АЦРФ 2016, Москва); Запись Е.А. Дороховой от Акси́ньи Тимофеевны Пушечкиной, 1945 г. в с. Коджагёль, Турция; в настоящее время проживает в поселке Новокумский Левокумского района Ставропольского края (АЦРФ 2017, Ставропольский край, Левокумский район, поселок Новокумский).

[1525А «Ловкий вор»], Курочка Ряба [СУС 2022В]), так и довольно редких сюжетных типов (Иосиф Прекрасный [СУС –725А* «Иосиф Прекрасный»], Царская дочь и пастух [СУС 850 «Приметы царевны»], Как служили дочки за отца службу [СУС 884В* «Василиса-поповна»], О людоеде [СУС 1137 «Ослепленный одноглазый великан»]).

Аксинья Тимофеевна, безусловно, прекрасная сказочница. Она в совершенстве владеет сказочным каноном и активно использует сказочную формульность. Так, Синий Соко́л, поранивший крылышки об иголки, которые воткнули в окна завистливые сестры героини, велит своей невесте отправляться на его поиски «в третье царство, в четвертое государство к бабке Аксунченце в хатку». Отец, ищущий для младшей дочери сине-соколово перышко, встречает на базаре таинственного незнакомца, который спрашивает его о предмете поиска: «Что ты, человеке Божий, ходишь?»; Баба-Яга обращается к героине, попавшей в ее избушку, со словами: «Что дева ходишь – дело пытаешь или от дела лытаешь?» Герой поворачивает избушку Яги просьбой встать «к лесу задком, а ко мне передком».

Исполнительской манере Аксиньи Тимофеевны свойственно внимание к деталям и объяснение мотивировок поступков героев. Так, рассказу о происках Бабы-Яги, превращении мальчика в козленка и злключениях Аленушки предшествует объяснение событий, которые сначала заставили сестрицу Аленушку и братца Иванушку оказаться на дороге, а затем спровоцировали превращение мальчика в животное. Аксинья Тимофеевна сообщает, что в дом героев проникла Яга, которая стала уговаривать Аленушку «изжарить братца», а на резонное возражение девушки, что «это ж мой братец, у меня больше никого нет», ведьма предложила обмен: «его изжарим, а жить ты будешь со мной». Именно эти события и стали причиной бегства героев из дома. По дороге Иванушка разорвал рубашечку, и героиня поняла, что она забыла дома иголочку. Девушка отправляет братца домой, и велит ему ничего не есть, «потому что пить захочешь». Герой, естественно, нарушает запрет, наедается и, догоняя сестру, «попил из копытчика» и превратился в козленка. Далее текст развивается по традиционной сюжетной схеме.

В сказке, которую Аксинья Тимофеевна назвала «Бременные музыканты», в отличие от большинства вариантов, где обычно просто сообщается, что хозяева выгоняют животных из-за старости, Аксинья Тимофеевна рассказывает о причинах изгнания более подробно:

Выгнал хозяин этого ишака, осла. Вот он уже состарился, не стал работать, стал лениться. А тут и коты выгнали, он не стал мышей ловить.

Он вышел на дорогу, сел и сидит. Выгнал хозяин собаку, тоже плохо стала лаять. Он тоже вышел на дорогу, сел и сидит. Петуха хозяин тоже выгнал. Хотел его зарубить, что он курей плохо топчет. Они сошлись на дороге и сказали каждый свою судьбу.

Очень интересна сказка о девушке в мужском платье. В русской традиции этот сюжет довольно редок. В имеющихся вариантах речь идет об одной дочери, которая по разным причинам, надев мужское платье, скрывает свой пол³⁴. У Аксиньи Тимофеевны в сказке три сестры, которые хотят помочь отцу и отправляются на воинскую службу. Отец подвергает дочерей испытанию. Он прячется под мостом и пугает их, когда они подъезжают к реке. Старшие сестры не выдерживают испытания и возвращаются домой, а младшая из пистолета выбивает отцу глаз и продолжает путь. Этот мотив встречается в турецких и сказках балканских славян, но там данный сюжет включает мотив изменения пола героини. У русских данного мотива нет, а основное внимание сосредоточено на испытаниях, которым подвергается девушка, и на тех хитростях, которые она применяет, чтобы их обойти. Аксинья Тимофеевна сочетает элементы разных традиций, описывая и испытания сестер отцом, и испытание девушки парнем, а также хитрости, к которым прибегает героиня, чтобы юноша не догадался о ее женской природе.

В сказке об Иосифе Прекрасном Аксинья Тимофеевна в отличие от библейской истории говорит о двух старших братьях, которые продают Иосифа в рабство, потому что отец хочет оставить ему царство. В то же время она сохраняет такие детали, как попытку соблазнения Иосифа женой Потифара и даже его имя, хотя и несколько измененное – Понтифар. Сохраняет сказочница и мотив толкования снов Иосифом пленников. Однако сон фараона у Аксиньи Тимофеевны не соответствует канонической версии, как, впрочем, и дальнейшее развитие событий. Так, вместо сна о тучных и худых коровах фараону снится сон о том, что «черный бык красному быку задницу лижет». Герой истолковывает его, сообщая, что в ближайшее время случится голод и все окрестные страны будут присылать гонцов за зерном к царю. Так все и происходит. Царь назначает Иосифа главным начальником по отпуску зерна и доверяет ему золотую мерку. Именно эту мерку Иосиф подкидывает своим братьям, приехавшим за зерном к царю. Братьев обвиняют в воровстве и наказывают. Нельзя не отметить и несвойственный сказкам плач Иосифа на могиле своей матери. Русская традиция знает духовный стих «Плач Иосифа»,

³⁴ О русских вариантах сказки см. [Добровольская 2008б, с. 412–421].

но текст Аксиньи Тимофеевны, хотя и близок к нему по сюжету, существенно отличается по форме:

Рахиль, Рахиль, моя мати,
Не слышишь ли моего гласа.
Раздвинь гроб, а я лягу.
Твоя крышка будет твоя и моя.
Продали меня твои сыны, а мои братья
В чужую сторону, сторону неизвестную,
Служить буду тому царю, тому царю Понтифару.

Ср: Видел я гроб своей матери,
Рахиль, начал плачь многии,
Токи струям явились –
Перси слезам мочилися.
«Увиждь, мати, Иосифа,
Востани скоро из гроба:
Твое чадо любимое
Ведомо есть погаными.
Моя братия продаша им,
Иду ныне в работу к ним.
Отец же мой не весть сего,
Что сын ныне лишен его.
Отверзи гроб, моя мати,
Приими к себе свое чадо;
Буди твой гроб тебе и мне,
Умру ныне я горце zde.
Приими, мати, лишенного,
От отца моего разлученного.
Внуши, мати, плачь горький
И жалостный глас тонкий,
Виждь плачевный образ мой,
Приими, мати, скоро во гроб твой».
Не могу аз болше плакати:
Хотят врази мя заклати.
«Рахиль, Рахиль, не слышиш ли,
Сердечный плачь примеш ли?
Призывал много Иякова –
Не услышал он моего гласа;
Ныне зову к тебе, мати:
Держат мене супостата»³⁵.

³⁵ Беломорские старины и духовные стихи: Собр. А.В. Маркова / Подгот. С.Н. Азбелев, Ю.И. Марченко; отв. ред. Т.Г. Иванова. СПб.: ДБ, 2002. 1079 с. С. 727–730. (Памятники русского фольклора)

В сказках Аксины Тимофеевны встречаются турецкие слова и много уменьшительно-ласкательных форм.

Все это, безусловно, свидетельствует о том, что Аксиныя Тимофеевна прекрасная сказочница, свободно владеющая текстом и легко импровизирующая, о чем свидетельствуют повторные записи некоторых текстов. Однако все записи, сделанные от нее, поражают необычайно быстрым темпом речи. Сказочница как будто стремится побыстрее закончить рассказ и перейти к чему-то более для нее значимому. Несколькостораживают и ее замечания о том, что сказки она знает выборочно, «то оттуда, то отсюда», «тут и там куски». И она все время сравнивает свое рассказывание сказок с исполнением своей матери. Она очень ценит мамины сказки, говорит: «Мама у нас очень сказочная была. Сказки мы от мамы знаем. Вот знаешь вечером. Отца дома нет, отец на рыбалке. Мы девчаты. Стоит у нас такая ступка, ставим на нее лампу, и она садится шить. И мы вокруг нее сидели. Еще напротив мои сестры двоюродные жили. Они тоже приходили вечером. И она нам сказки рассказывает».

Мама Аксины Тимофеевны в поле зрения фольклористов попадала весьма часто, потому что это выдающаяся исполнительница фольклора казаков-некрасовцев – Анна Мефодьевна Бокачева, 1909 г. р. Она была одной из лучших певиц поселка Новокумский, и песенный репертуар, записанный от нее, огромен. Это и индивидуальные записи, и песни, записанные от хора, в котором она солировала. Именно потому, что с Анной Мефодьевной много и постоянно работали, от нее помимо песен было записано четыре сказки («Брат сбил трех змеев-оборотней», «Кюсей Безбородный», «Сивилушка-Вилушка» и «Финист-сокол»)³⁶. Как видно из этого перечня, две сказки есть в репертуаре Аксины Тимофеевны, а о двух других она не упоминала. Когда ее спросили об этих сюжетах, она их не вспомнила.

Понятно, что запись от Анны Мефодьевны носит случайный характер, хотя и сделана очень профессионально. Она, скорее всего, не отражает ее полный репертуар, но тем не менее очень показательна для характеристики исполнительской манеры сказочницы. Тексты Анны Мефодьевны отличаются соблюдением сказочной обрядности, формульности, обилием разнообразных художественных приемов. В ее сказках нет никакого внимания к деталям, нет мотивировки действий персонажей, практически нет турецких слов, лишь иногда они используются для обозначения предметов. А главное, ее сказки отличает очень размеренный темп речи. Она действительно рассказывает сказку. Таким

³⁶ Тексты любезно предоставлены А.Н. Ивановым из личного архива.

образом, мы наблюдаем различные исполнительские манеры у матери и у дочери.

Анна Мефодьевна признавалась своим окружением не только выдающейся певицей, но и сказочницей. Акси́нья Тимофеевна известна в поселке именно как певица. И она себя осознает именно певицей, а не сказочницей, а вот свою мать характеризует именно как сказочницу, постоянно подчеркивая, что к Анне Мефодьевне «все приходили слушать сказки».

Во время нашей непродолжительной беседы создалось впечатление, что Акси́нья Тимофеевна интересуется сказками, работает над своим репертуаром, он у нее сложился не только из сказок матери, но, видимо, из каких-то других источников. Но при этом она постоянно принижает свое мастерство и возвеличивает мастерство матери. Акси́нья Тимофеевна очень настойчиво говорила о том, что она не сказочница — «я песни пою», «сказки мама говорила. А я песни пою», «сказки от мамы, а от меня песни».

Отчасти это можно списать на работу этномузыкологов, которым свойственно, работая с исполнителями, формировать некую значимость поющего человека, интерес к нему людей из города или из самой столицы, внимание к нему работников культуры и т. п. Поскольку именно данная группа исследователей работала с Акси́ней Тимофеевной, то, конечно, можно подозревать, что песни для нее более значимы, чем сказки. Но, с другой стороны, Акси́нья Тимофеевна рассказывает и другие фольклорные тексты (например, ей принадлежит очень подробное описание свадебного обряда). В этом случае она совсем не впадает в самоуничижение.

Вероятно, такое пренебрежительное отношение к собственно-му исполнению сказок имеет личные причины. Акси́нья Тимофеевна очень чутко относится к понятию красоты. Для нее это одна из главных ценностей: она любит цветы, украшения, красивые вещи. Ее потрясает церковное убранство, нарядные люди и т. п. В песне эстетика прекрасного ей очевидна. В песне исполнительница очень свободна, ей нравится, что она может воспроизвести красоту. А вот со сказкой ситуация другая. То, что ее мама рассказывала сказки совершенно замечательно, не вызывает у нее сомнения. Она также понимает, что она рассказывает их иначе. И у нее нет уверенности в том, что ее исполнительская манера также красива и интересна слушателям. Вероятно, она пытается украсить свой текст, и именно этим объясняется обилие деталей и мотивировок действий персонажей. Но ее окружение не дало ей статуса «сказочницы», и поэтому она чувствует себя очень неуверенно. Сказка в ее исполнении для нее самой не очевидно прекрасный жанр, а в исполнении ее мамы, Анны Мефодьевны — безусловно прекрасный. Знание песен она рассматривает как безусловную ценность, которой интересу-

ются люди «из города», за которой они приезжают, для исполнения которых их ансамбль приглашают в крупные города. Сказками же в ее исполнении никто не интересовался довольно долго, все записи носят случайный характер и соответственно считаются Аксиньей Тимофеевной «ненужным знанием», которое ей не надо ни сохранять, ни передавать по наследству.

* * *

Из приведенных примеров видно, что отношение к сказке среди ее исполнителей неоднородно. В ряде случаев она рассматривается как средство сохранения памяти о конкретном человеке, счастливом времени, как некое прошлое семьи. В этом случае сказка оказывается как бы случайно выбранным жанром. На ее месте в этой функции может оказаться и чаще всего оказывается песня. В полевых материалах немало замечаний о том, что «это мамина песня», «дед очень эту песню любил», «папа ее всегда пел» и т. п. Про сказку так обычно не говорят, но некоторые исполнители замечают, что рассказывают тот или иной сюжет в память о старших родственниках. Сказка становится своеобразным средством памяти о семье и роде. В ряде случаев сказка становится знаком принадлежности именно к местной традиции. В записях встречаются такие замечания исполнителей, как «такую только у нас рассказывали», «я больше такого нигде не слышал», «это только наша сказка». Сказка выполняет функцию этнической идентификации, принадлежности к конкретной группе. Она является средством определения своего человека из общей массы. В указанных выше случаях сказка, если и представляет какую-то ценность для рассказчика, то это ценность личная или семейная. Однако сказка может быть значимой для конкретного человека не только потому, что она является средством сохранения памяти о прошлом семьи или места. Она может осознаваться как ценность именно потому, что с ее помощью меняется статус человека, его знания выделяют его из общей массы. В то же время сказка может осознаваться человеком как часть традиции, которая значима во всей своей полноте. В этом случае сказочный текст не выделяется из всего корпуса фольклорных знаний человека, а признается важным просто в силу его принадлежности к традиции. В то же время встречаются исполнители, не отдающие отчета в том, что их владение сказочной традицией представляет собой безусловную ценность. Им свойственно принижать свое исполнительское мастерство и рассматривать свое умение рассказывать сказки как «ненужное знание».

Литература

- Афанасьева 1986 – *Афанасьева Г.В.* Особенности интерпретации сказочной традиции на современном этапе ее бытования // Проблемы нравственно-психологического содержания в литературе и фольклоре / Отв. ред. Е.И. Шастина. Иркутск: ИГПИ, 1986. С. 166–174.
- Афанасьева 1987 – *Афанасьева Г.В.* Сказительские школы в фольклоре (к постановке вопроса) // Четвертые Алексеевские чтения: Материалы науч. межвуз. конф., посв. памяти М.П. Алексеева и 70-летию Иркутского государственного университета 3–5 октября 1987 г. Иркутск: [Б/и], 1987. С. 85–97.
- Бунчук, Шевченко 2011 – *Бунчук Т.Н., Шевченко Е.А.* Тятины сказки // Живая старина. 2011. № 2. С. 11–15.
- Бунчук, Шевченко 2012 – *Бунчук Т.Н., Шевченко Е.А.* Сказки из репертуара Апполинии Михайловны Соловьевой / Публ. Т.Н. Бунчук, Е.А. Шевченко // Живая старина. 2012. № 1. С. 51–54.
- Добровольская 2008а – *Добровольская В.Е.* Клавдия Павловна Зеленова: исполнитель и комментатор фольклора // Славянская традиционная культура и современный мир. Вып. 11: Личность в фольклоре: исполнитель, мастер, собиратель, исследователь: Сборник научных статей. М.: ГРЦРФ, 2008. С. 149–161.
- Добровольская 2008б – *Добровольская В.Е.* Мотив «сокрытия пола» в восточнославянской эпической традиции // Письменность, литература и фольклор славянских народов: 14-й Международный съезд славистов. Охрид, 10–16 сентября 2008 г.: Доклады российской делегации / Российская акад. наук, Отд-ние историко-филологических наук, Нац. ком. славистов Российской Федерации; редкол.: А.М. Молдован (отв. ред.) и др. М.: Индрик, 2008. С. 412–421.
- Добровольская 2015 – *Добровольская В.Е.* Сказочница А.И. Садовникова (Тверская область, Западнодвинский район) // Славянская традиционная культура и современный мир. Вып. 17: Фольклорные традиции в поликультурных зонах России: сб. научных статей. М.: ГРЦРФ, 2015. С. 57–69.
- Добровольская 2017 – *Добровольская В.Е.* «Папа нам рассказывал...»: Сказки в репертуаре Марфы Зайцевой с фазенды Санта-Крус // Традиционная культура. 2017. № 2. С. 19–27.
- Добровольская 2019 – *Dobrowolska W.* Inwencja twórcza w bajce ludowej: przypadek Efilii Grigoriewny Padkiny [Индивидуальное творчество в фольклорной сказке: случай Ефимии Григорьевны Падкиной] // Przegląd rusycystyczny [Русское обозрение]. 2019. № 1 (165). Katowice. 2019. С. 21–32.
- Лызлова 2011 – *Лызлова А.С.* Сказки Водлозерья: репертуар Евдокии Макаровны Лёвиной // Живая старина. 2011. № 2. С. 8–11.

- Лызлова 2013 – Лызлова А.С. О сказочной традиции Водлозерья // Сказки Водлозерья / Сост. А.С. Лызлова. Петрозаводск: Барбашина Е.А., 2013. С. 27–45.
- Медведева 1991 – Медведева Г.В. Школы сказочников в Восточной Сибири (К проблеме «учитель и ученик» в сказительском искусстве) // Актуальные проблемы сибирской фольклористики: Межвузовский сб. науч. трудов / Отв. ред. Е.И. Шастина. Иркутск: [Б/и], 1991. С. 30–42.

References

- Afanas`eva, G.V. (1986), “Osobennosti interpretacii skazochnoj tradicii na sovremennom e`tape ee by`tovaniya”, in Shastina, E.I. (ed), *Problemy` nraustvenno-psixologicheskogo sodержaniya v literature i fol`klore* [The features of the interpretation of the fairy-tale tradition at the present stage of its existence, in Problems of moral and psychological content in literature and folklore], IGPI, Irkutsk, Russia, pp. 166–174.
- Afanas`eva, G.V. (1987), “Storytelling schools in folklore (to raise the question)”, *Chetverty`e Alekseevskie chteniya. Materialy nauchnoi mezhvuzovskoj konferencii, posvyashchennoi pamyati M.P. Alekseeva i 70-letiyu Irkutskogo gosuniversiteta 3–5 oktyabrya* [The fourth Alekseev Readings. Materials of the university scientific conference in memory of M.P. Alekseev and the 70th anniversary of Irkutsk State University on October 3–5, 1987], Irkutsk, Russia, 3–5 oktyabrya 1987, pp. 85–97.
- Bunchuk, T.N. and Shevchenko, E.A. (ed.) (2011), “Tyatiny fairy tales”, *Zhivaya starina*, vol. 2, pp. 11–15.
- Bunchuk, T.N. and Shevchenko, E.A. (ed.), (2012), “Fairy tales from Appolinaria Mikhailovna Solovyeva’s repertoire”, *Zhivaya starina*, vol. 1, pp. 51–54.
- Dobrovol’skaya, V.E. (2008), “Claudia Pavlovna Zelenova: performer and commentator of folklore”, in *Slavyanskaya tradicionnaya kul’tura i sovremenny`j mir*, vol. 11, pp. 149–161.
- Dobrovol’skaya, V.E. (2008), “The motif of ‘hiding the floor’ in the East Slavic epic tradition”, in *Pis`mennost`, literatura i fol`klor slavyanskix narodov: 14 Mezhdunarodny`j s`ezd slavistov* [Writing, literature and folklore of the Slavic peoples. 14th International Congress of Slavists]. Oxrid, Makedoniya, pp. 412–421.
- Dobrovol’skaya, V.E. (2015), “Storyteller A.I. Sadovnikova (Tver region, Zapadnodvinsky district)”, *Slavyanskaya tradicionnaya kul’tura i sovremenny`j mir*, vol. 17, pp. 57–69.
- Dobrovol’skaya, V.E. (2017), “‘Papa told us...’: Fairy tales in the repertoire of Marfa Zaitseva from the Santa Cruz fazenda”, *Traditional culture*, vol. 2, pp. 19–27.

- Dobrovol'skaya, V.E. (2019), "Individual creativity in a folk tale. The Case of Efimiya Grigoryevna Padkina", *Russian Studies Review*, vol. 165, no. 1, pp. 21–32.
- Lyzlova, A.S. (ed.) (2013), "O skazochnoj tradicii Vodlozer'ya" [About the fabulous tradition of Vodlozerye], in *Skazki Vodlozer'ya* [Tales of Vodlozerye], Barbashina E.A., Petrozavodsk, Russia, pp. 27–45.
- Lyzlova, A.S. (2011), "Tales of Vodlozerye. The repertoire of Evdokia Makarovna Levina", *Zhivaya starina*, vol. 2, pp. 8–11.
- Medvedeva, G.V. (1991), "Schools of storytellers in Eastern Siberia. On the problem of 'Teacher and student' in the storytelling art", in *Aktual'ny'e problemy' sibirskoj fol'kloristiki* [Actual problems of Siberian folklore studies], Irkutsk, Russia, pp. 30–42.

Информация об авторе

Варвара Е. Добровольская, кандидат филологических наук, Институт славянской культуры, Российский государственный университет им. А.Н. Косыгина (Технологии. Дизайн. Искусство), Москва, Россия; 129337, Россия, Москва, Хибинский проезд, д. 6; *dobrovolska@inbox.ru*

Information about the author

Varvara E. Dobrovolskaya, Cand. of Sci. (Philology), Institute of Slavic Culture Russian State University im. A.N. Kosygin (Technologies. Design. Art), Moscow, Russia; bld. 6, Khibinsky Pas., Moscow, Russia, 129337; *dobrovolska@inbox.ru*